

Александр Зельгейм

Жизнь, как она есть...

Александр Зельгейм
Жизнь, как она есть...

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Жизнь, как она есть... / А. Зельгейм — «Автор», 2026

Это двадцать один рассказ о человеке, застрявшем между корпоративными зеркалами, умными домами и бесконечными очередями. Автор с горькой иронией и беспощадной честностью показывает, как система — офисная, цифровая, государственная — вытесняет живые чувства, подменяя их правилами, алгоритмами и «нормой». Но даже в самом абсурдном тупике остаётся место памяти, тишине и надежде. Это книга о том, как остаться человеком, когда всё вокруг требует быть функцией. Жизнь как она есть — без прикрас, но с правом на смех сквозь слёзы.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Жизнь, как она есть...

Глава

Содержание

Вместо предисловия

Часть I. Корпоративный абсурд

Зеркало как HR-инструмент

Мы — семья

Зеркало прозрачности

Зеркало этики

Курс на успех

Собеседование наоборот

Часть II. Технологии и одиночество

Умный дом

Нейросеть-психолог

Инстаграм-жизнь

Лайк за любовь

Семейный чат

Приложение для любви

Часть III. Бюрократия и смерть

Бюрократия (триптих)

Курс по смерти

Наследство

Курс по отношениям

Часть IV. Быт и память

Дневник холостяка

Разговор с портретом

Игры разума, или Как я искал работу

Часть V. Финал

Смысл жизни

Кладбище недобитых

* «Instagram, Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ».

Вместо предисловия

Этот сборник — попытка увидеть жизнь как она есть. Без прикрас. Без утешений. Без катарсиса. Двадцать один рассказ. Двадцать один герой. Одна страна. Одна жизнь. Один абсурд.

Мы не ставили целью кого-то обидеть. Мы ставили целью — показать. Потому что смех — это единственное, что остаётся, когда слова кончаются. А слова — они кончаются. Рано или поздно. Как всё.

Если вы узнали себя — не пугайтесь. Это нормально. Если вы не узнали себя — не обольщайтесь. Это тоже нормально. Просто вы ещё не дочитали.

А если дочитали — значит, вы ещё живы. Значит, вы ещё думаете. Значит, вы ещё. Ещё. Ещё.

И это — главное. Пока вы думаете — вы есть. Пока вы смеётесь — вы живы. Пока вы читаете — вы не один.

А если и этого не хватает — что ж. Тогда мы просто живём дальше. Со своим ключом. Со своей дверью. Со своей правдой. И с надеждой, что когда-нибудь кто-то постучит. И скажет: — Я тебя слышу.

И тогда мы откроем. Бесплатно. Потому что это — самое редкое, что мы слышали за всю свою жизнь.

Правда. Не своя. Чужая. И это — самая красивая вещь на свете.

Часть I. Корпоративный абсурд

1. Зеркало как HR-инструмент

В компании «Синергия» всё было зашибись. Об этом говорил корпоративный портал, об этом говорил отдел внутренних коммуникаций, об этом говорила Оксана из HR, когда увольняла очередного сотрудника. «У нас всё зашибись», — говорила она, подписывая обходной лист. «У нас всё зашибись», — говорила она, когда кто-то в пятый раз за месяц оставался после работы. «У нас всё зашибись», — говорила она, когда сама оставалась после работы. Потому что если ты говоришь это достаточно часто, то однажды начинаешь верить. А если веришь ты, поверят и остальные. В этом и был весь фокус.

Стас работал в «Синергии» три года. Он был менеджером среднего звена — то есть человеком, которого никто не любит. Начальство считало его исполнителем, подчинённые — начальством, а он сам считал себя жертвой обстоятельств. Обстоятельства назывались «должностная инструкция».

В понедельник утром Оксана собрала всех в переговорной. На стене висело что-то большое, закрытое белой простыней. Как памятник. Или как покойник.

— Коллеги! — сказала Оксана. — Мы внедряем инновацию. Это «Зеркало Тени». Корпоративный девайс для оценки персонала. Оно показывает не то, как вы выглядите. Оно показывает то, как вы думаете.

— Это как? — спросил Стас.

— А вот так, — сказала Оксана и сдёрнула простыню.

На стене висело зеркало. Обычное. Только с датчиками по краям и лампочкой в углу. Лампочка мигала. Ровно. Спокойно. Как метроном.

— Оно сканирует, — сказала Оксана. — И показывает вашу теневую сторону. То, что вы на самом деле думаете о компании. О коллегах. О начальстве. О себе. Это инструмент радикальной честности. Мы хотим, чтобы каждый сотрудник был честен. Хотя бы перед собой.

— А если я не хочу быть честным? — спросил Стас.

— Тогда вы нам не подходите, — сказала Оксана и улыбнулась. Улыбка была как у стоматолога: ты знаешь, что будет больно, но ты уже сидишь в кресле.

Первым пошёл Стас. Потому что Стас всегда ходил первым. Потому что Стас был менеджером среднего звена, а менеджеры среднего звена всегда ходят первыми. Это их работа.

Он встал перед зеркалом. Лампочка замигала быстрее. Датчики зажужжали. Зеркало показало Стаса. Только Стас в зеркале был не Стасом. Он был... Стасом. Только честным.

Стас в зеркале думал: «Я ненавижу эту работу. Я ненавижу Оксану. Я ненавижу понедельники. Я ненавижу себя за то, что сижу здесь. Я хочу уйти. Но у меня ипотека. Я хочу кричать. Но у меня семья. Я хочу жить. Но у меня дресс-код».

Стас в зеркале смотрел на Стаса настоящего. И Стас настоящий понял, что он уже давно не Стас. Он функция. Он KPI. Он — строчка в отчёте.

— Ну что? — спросила Оксана. — Что ты видишь?

Стас молчал. Он не мог сказать. Потому что если бы он сказал, его бы уволили. А ипотека — она как зеркало. Она не врёт.

— Всё зашибись, — сказал Стас.

Лампочка мигнула. Красная. Молча.

Оксана улыбнулась. Стоматолог взял бор.

— Молодец, — сказала она. — Ты прошёл. Первый уровень.

Стас не спросил, сколько уровней. Ему было страшно.

К пятнице зеркало прошли все. Тридцать два человека. Тридцать два сотрудника встали перед зеркалом и увидели свою тень. Кто-то увидел циника. Кто-то увидел алкоголика. Кто-то увидел человека, который научился разговаривать с детьми. Кто-то увидел себя в двадцать лет — и заплакал. Кто-то увидел себя в шестьдесят — и не поверил.

Но никто не сказал вслух. Потому что все помнили: сказал — уволили. Не сказал — остался. Остался — молодец. Молодец — корпоративный герой. Герой — часть семьи. Семья — это «Синергия». «Синергия» — это всё зашибись.

В понедельник Оксана пришла в переговорную и увидела, что зеркало стоит не так. Оно висело не на стене, а напротив совета директоров. И показывало не сотрудников. Оно показывало их.

Совет директоров сидел и смотрел. На себя. Настоящих. Без костюмов, без должностей, без KPI. Просто людей. Которые тридцать лет строили компанию. И потеряли себя.

— Что это? — спросил генеральный.

— Это вы, — сказала Оксана. Голос у неё дрожал. Потому что она не хотела это говорить. Но зеркало заставило.

— Уберите, — сказал генеральный. — Немедленно.

— Не могу, — сказала Оксана. — Оно привинчено.

— Тогда увольте зеркало.

— Зеркало не сотрудник. Оно оборудование.

— Тогда увольте себя.

Оксана посмотрела в зеркало. И увидела себя. Настоящую. Которая двадцать лет говорила «всё зашибись» и двадцать лет знала, что это неправда. Которая увольняла людей, чтобы не уволили её. Которая улыбалась, когда хотела кричать.

— Я уволена? — спросила она.

— Вы уволены, — сказал генеральный. — Но не потому, что вы плохая. А потому, что вы честная. А честные нам не нужны.

Оксана кивнула. Она сняла бейдж. Положила на стол. Посмотрела в зеркало в последний раз. Зеркало показало ей её тень. И тень улыбнулась. Впервые за двадцать лет. По-настоящему.

Оксана вышла. Дверь закрылась. Совет директоров остался с зеркалом. Один на один.

Через час в компании «Синергия» не было ни одного директора. Только зеркало. И оно молчало. Потому что больше никому было показывать.

2. Мы — семья

В компании «Радость» всё было радостно. Об этом говорил слоган на входе: «Радость — это мы». Об этом говорила Марина из отдела счастья. Да, был такой отдел. Он назывался «Отдел корпоративного счастья». Марина была директором по счастью. Она ходила в жёлтом и улыбалась так, что болели щёки. Не у неё — у тебя. Потому что когда кто-то улыбается тридцать два часа в сутки, ты начинаешь подозревать, что он не улыбается. А кричит. Просто беззвучно.

Костя работал в «Радости» пять лет. Он был разработчиком. Он писал код, который никто не читал, и делал вид, что ему нравится. Потому что в «Радости» нельзя было не любить свою работу. Это было прописано в кодексе. Пункт третий: «Сотрудник обязан испытывать радость от процесса». Костя испытывал. Радость. Три раза в день. По расписанию.

В понедельник Марина собрала всех в комнате отдыха. Комната отдыха называлась «Поляна радости». На стенах были нарисованы ромашки. На полу — ковёр с ромашками. На потолке — светильники в форме ромашек. Если ты не любишь ромашки, ты не любишь «Радость». А если ты не любишь «Радость», ты не любишь себя. А если ты не любишь себя, тебя отправляли к психологу. Психолог тоже был в форме ромашки. Шутка. Психолог был в форме. Ромашка — это метафора.

— Дорогие мои! — сказала Марина. — У нас новость! Мы внедряем «Зеркало Тени». Это инструмент для работы с тенью. С вашей тенью. Чтобы вы могли отпустить то, что вас гнетёт. И стать ещё счастливее!

— А если я уже счастлив? — спросил Костя.

— Тогда ты узнаешь, что такое настоящее счастье, — сказала Марина и показала зеркало. Зеркало стояло в углу. Обычное. Только с датчиками. И с лампочкой. Красной. Как глаз. Который смотрит. И не моргает.

— Кто первый? — спросила Марина.

Костя хотел сказать «никто». Но в «Радости» не было слова «никто». Было слово «все». И Костя был «все». Потому что в «Радости» нельзя быть одним. Одному — страшно. Одному — грустно. Одному — нельзя.

Костя встал. Подошёл к зеркалу. Лампочка мигнула. Датчики зажужжали. Зеркало показало Костю. Только Костя в зеркале был не Костей. Он был... уставшим. Он был человеком, который пять лет улыбался, когда хотел плакать. Пять лет говорил «я счастлив», когда хотел сказать «я устал». Пять лет был частью семьи, которая никогда не спрашивала, как он. Просто говорила: «Мы — семья». И улыбалась. И ждала, что он улыбнётся в ответ. И он улыбался. Потому что иначе — не семья. Иначе — уволен. Иначе — не любим. Иначе — один.

Костя в зеркале смотрел на Костю настоящего. И Костя настоящий понял, что он не знает, кто он. Он знает, кем он должен быть. Но не знает, кто он.

— Ну что? — спросила Марина. — Что ты видишь?

Костя молчал. Он не мог сказать. Потому что если бы он сказал, его бы отправили к психологу. А психолог — в форме ромашки. И это было страшнее, чем увольнение.

— Радость, — сказал Костя. — Я вижу радость.

Лампочка мигнула. Красная. Молча.

Марина улыбнулась. Её улыбка стала шире. На два сантиметра. Костя почувствовал, что у него болит лицо. Это была не его улыбка. Это была улыбка «Радости». Она приросла к нему. Как ромашка. Как ковёр. Как светильник. Как всё, что он ненавидел и не мог признать.

К пятнице зеркало прошли все. Сто двадцать человек. Сто двадцать сотрудников встали перед зеркалом и увидели свою тень. Кто-то увидел человека, который не помнит, когда последний раз был один. Кто-то увидел человека, который не знает, чего хочет. Кто-то увидел человека, который улыбается во сне. Потому что уже не может перестать.

Но никто не сказал вслух. Потому что все помнили: сказал — к психологу. Не сказал — остался. Остался — молодец. Молодец — счастлив. Счастлив — часть семьи. Семья — это «Радость». «Радость» — это все.

В пятницу вечером Костя пришёл домой. Он снял ботинки. Повесил куртку. Посмотрел в зеркало в прихожей. Обычное. Без датчиков. Без лампочки. Просто зеркало.

Он посмотрел на себя. И не увидел улыбки. Она исчезла. Где-то между офисом и домом. Как будто её и не было. И он понял: у него две улыбки. Одна — для «Радости». Другая — для себя. И вторая — не улыбка. Вторая — это лицо. Просто лицо. Без выражения. Потому что когда ты пять лет улыбаешься чужим людям, ты забываешь, как выглядит твоё лицо, когда ты один.

Костя сел на пол. В прихожей. И заплакал. Не потому, что ему было плохо. А потому, что ему было всё равно. А это — хуже.

В понедельник он пришёл в «Радость». Марина встретила его у входа. С ромашкой в руке. Настоящей. Она протянула её Косте.

— Доброе утро! — сказала она. — Как ты? Счастлив?

Костя взял ромашку. Посмотрел на неё. Потом на Марину. Потом на зеркало, которое стояло в холле. Оно смотрело на него. Красная лампочка мигала. Как глаз. Который ждёт.

Костя улыбнулся. Широко. Как в «Радости». Как всегда.

— Счастлив, — сказал он.

Лампочка мигнула. Красная. Молча.

Марина улыбнулась. Стоматолог взял бор.

А Костя пошёл на рабочее место. Писать код. Который никто не читает. И улыбаться. Потому что «Радость» — это семья. А семью не выбирают. Семью терпят.

3. Зеркало прозрачности

В компании «Открытость» всё было открыто. Об этом говорил слоган: «Мы открыты для тебя». Об этом говорил Игорь, начальник отдела продаж. Об этом говорил Алексей, его подчинённый. Только Алексей говорил это шёпотом. Потому что когда ты говоришь «мы открыты» громко, тебя слышит Игорь. А когда тебя слышит Игорь, ты становишься ещё более открытым. Настолько, что тебе нечего скрывать. Потому что ты уже всё рассказал. Добровольно. Под протокол.

Игорь был начальником. Настоящим. Из тех, кто говорит «я тебя услышал» и не слышит. Из тех, кто говорит «я тебе доверяю» и проверяет. Из тех, кто говорит «мы — команда» и играет один. Игорь любил «Открытость». Потому что «Открытость» позволяла ему знать всё. О всех. И не рассказывать ничего. О себе.

Алексей был подчинённым. Настоящим. Из тех, кто говорит «я подумаю» и думает. Из тех, кто говорит «я сделаю» и делает. Из тех, кто говорит «я устал» и улыбается. Алексей ненавидел «Открытость». Потому что «Открытость» позволяла Игорю знать всё. О нём. И не рассказывать ничего. О себе.

В понедельник Игорь собрал отдел. В переговорной. На стене висело зеркало. Обычное. Только с датчиками. И с лампочкой. Красной. Как глаз. Который смотрит. И не моргает. И не спит.

— Коллеги, — сказал Игорь. — Мы внедряем «Зеркало прозрачности». Это инструмент для укрепления доверия. Оно показывает то, что вы думаете. Обо мне. О коллегах. О компании. Мы хотим, чтобы вы были открытыми. По-настоящему. Потому что мы — команда. А команда не имеет секретов.

— А если у меня есть секреты? — спросил Алексей.

— Тогда ты не в команде, — сказал Игорь и улыбнулся. Улыбка была как у прокурора: ты знаешь, что виноват, но не знаешь, в чём.

Алексей встал. Подошёл к зеркалу. Лампочка мигнула. Датчики зажужжали. Зеркало показало Алексея. Только Алексей в зеркале был не Алексеем. Он был... честным. Он думал: «Игорь — идиот. Игорь — самодур. Игорь не умеет работать. Игорь получил должность, потому что женился на дочери генерального. Игорь не заслуживает ничего. Игорь — пустое место».

Алексей в зеркале смотрел на Алексея настоящего. И Алексей настоящий понял: он думает то, что нельзя говорить. И теперь это видно. Всем. Или, по крайней мере, Игорю. Потому что Игорь стоял рядом. И смотрел. В зеркало. На себя. Глазами Алексея.

— Ну что? — спросил Игорь. — Что ты видишь?

Алексей молчал. Он не мог сказать. Потому что если бы он сказал, его бы уволили. Не за то, что он думает. А за то, что его мысли стали видны. А видимые мысли — это уже не мысли. Это донос. На себя.

— Уважение, — сказал Алексей. — Я вижу уважение.

Лампочка мигнула. Красная. Молча.

Игорь улыбнулся. Прокурор зачитал приговор.

— Хорошо, — сказал он. — Ты прошёл. Первый уровень.

Алексей не спросил, сколько уровней. Он уже знал. Столько же, сколько сотрудников. Потому что каждый уровень — это человек, который смотрит на тебя. И видит. Всё.

К пятнице зеркало прошли все. Сорок человек. Сорок сотрудников встали перед зеркалом и увидели свою тень. Кто-то увидел человека, который ненавидит начальника. Кто-то увидел человека, который ненавидит коллег. Кто-то увидел человека, который ненавидит себя. Кто-то увидел человека, который не ненавидит никого. И это было самое страшное.

Но никто не сказал вслух. Потому что все помнили: сказал — уволили. Не сказал — остался. Остался — открыт. Открыт — доверен. Доверен — в команде. Команда — это «Открытость». «Открытость» — это Игорь. Игорь — это всё.

В пятницу вечером Алексей зашёл в кабинет Игоря. Закрыл дверь. Сел. Посмотрел Игорю в глаза. Долго. Игорь не отвёл взгляд. Потому что Игорь не умел отводить. Игорь умел только смотреть. В зеркало. На других.

— Ты знаешь, что я думаю, — сказал Алексей.

— Знаю, — сказал Игорь.

— И ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь.

— Знаю.

— Тогда зачем мы это делаем?

Игорь молчал. Долго. Потом сказал:

— Потому что если мы перестанем, то придётся признать, что мы не команда. А мы не можем. У нас KPI.

Алексей встал. Пошёл к двери. Остановился. Обернулся.

— Я увольняюсь.

— Не увольнись, — сказал Игорь. — У тебя ипотека.

Алексей посмотрел на него. Потом на зеркало. Оно стояло в углу. Красная лампочка мигала. Как глаз. Который смеётся. Беззвучно.

— Тогда я остаюсь, — сказал Алексей. — Но я больше не буду открытым.

— Будешь, — сказал Игорь. — Зеркало не спрашивает.

Алексей вышел. Дверь закрылась. Игорь остался один. С зеркалом. Он посмотрел в него. Увидел себя. Настоящего. Без должности. Без KPI. Без дочери генерального. Просто человека. Который сорок лет притворялся. И сорок лет знал, что притворяется.

Но Игорь не закрыл лицо руками. Не заплакал. Не уехал. Игорь был не из тех, кто уезжает. Игорь был из тех, кто остаётся. И мстит.

Он подошёл к зеркалу вплотную. Так, что дыхание оседало на стекле. И сказал:

— Ты думаешь, ты меня победило? Ты думаешь, ты сильнее? Ты — стекло. А я — человек. Я могу думать что угодно. И никто не узнает. Потому что я умею думать так, как надо. А не так, как хочется.

Зеркало молчало. Красная лампочка мигала. Как глаз. Который не верит.

Игорь начал тренироваться.

Каждое утро он приходил в кабинет на час раньше. Вставал перед зеркалом. И думал. Правильные мысли. О компании. О команде. О ценностях. О том, как он любит свою работу. Как он уважает коллег. Как он верит в миссию.

Сначала не получалось. Зеркало показывало правду. Игорь злился. Сжимал кулаки. Шептал: «Нет. Не то. Думай правильно. Думай как надо».

Через неделю получилось. Зеркало показало Игоря, который любит компанию. Игоря, который уважает коллег. Игоря, который верит в миссию. Игорь улыбнулся. Впервые за сорок лет. По-настоящему. Потому что он поверил.

Через месяц зеркало показало пустоту.

Игорь смотрел в него. Долго. Потом встал. Взял стул. И разбил зеркало.

Стекло полетело на пол. Осколки. Мелкие. Как его мысли. Как его жизнь. Как всё, что он выжиг в себе. Чтобы стать правильным. Чтобы стать идеальным. Чтобы стать нормой.

Он стоял. Смотрел на осколки. В них отражалось его лицо. Сотня маленьких Игорей. Все смотрели на него. Все молчали. Все ждали. Чего? Он не знал.

За зеркалом была стена. Серая. Обычная. Бетонная. Никакой тайны. Никакого портала. Никакой истины. Просто стена. Которую он видел каждый день. Но не замечал. Потому что смотрел в зеркало. А зеркало смотрело в него.

Игорь сел на пол. Среди осколков. И заплакал. Впервые за сорок лет. Не потому, что ему было больно. А потому, что он понял. Зеркало не было проблемой. Проблемой был он. И теперь зеркала нет. А он — есть. И смотреть больше некуда. Только в стену. А стена — она не отражает. Она просто стоит. И ждёт. Когда ты сам поймёшь. Что ты — не норма. Что ты — человек. Который разбил зеркало. Чтобы не видеть правду. Потому что правда — она страшнее. Чем пустота. Чем норма. Чем всё.

Утром Игорь пришёл на работу. Первым. Он вызвал службу эксплуатации. Сказал: «Повесьте новое зеркало. Такое же. На то же место». Ему сказали: «А старое?» Он сказал: «Выбросьте». Ему сказали: «А осколки?» Он сказал: «Выбросьте всё».

Он стоял. Смотрел на стену. Пока вешали новое зеркало. Такое же. С датчиками. С лампочкой. Красной. Как глаз. Который смотрит. И не моргает.

Зеркало повесили. Игорь встал перед ним. Посмотрел. Увидел себя. Идеального. Пустого. Улыбнулся. Правильно.

И зеркало показало улыбку. Зелёная лампочка. Как бы говоря: «Норма».

Игорь закрыл глаза. И подумал: «Я счастлив». Не почувствовал ничего. Просто подумал. Как надо.

А за зеркалом — стена. Серая. Бетонная. И на стене — трещина. От старого зеркала. От осколков. От правды. Которая была. И которую он разбил. Чтобы не видеть.

Трещина осталась. Её замазали. Но она — под штукатуркой. Под краской. Под новым зеркалом. И она — помнит. Всё. Что было. Что будет. Что могло бы быть.

А зеркало — оно смотрит. И не моргает. Потому что у него нет век. Потому что оно не человек. Потому что оно — норма.

А если ты не норма — тебя нет.

А если тебя нет — кто смотрит в зеркало?

Никто. Зеркало смотрит в себя. И показывает себя. И это — самая честная прозрачность. Самая полная. Самая пустая.

Но трещина в стене — она есть. И она — ждёт. Когда кто-то придёт. И разобьёт зеркало. Снова. Чтобы увидеть. Что за ним. Ничего. Кроме стены. И трещины. И правды. Которая была. И которую — не убить. Даже зеркалом. Даже нормой. Даже всем.

4. Зеркало этики

В компании «Норма» всё было по норме. Об этом говорил кодекс этики. Триста страниц. Твёрдый переплёт. Золотое тиснение. Каждый сотрудник получал его при приёме на работу. И подписывал. Что ознакомлен. Что согласен. Что будет соблюдать. А если не будет — то сам

виноват. Потому что кодекс — он не для компании. Он для тебя. Чтобы ты стал лучше. Чтобы ты стал нормой.

Дмитрий работал в «Норме» два года. Он был юристом. Он читал кодекс. Полностью. Триста страниц. Дважды. Потому что первый раз не поверил. Второй раз — поверил. И испугался. Потому что кодекс был написан не для людей. Он был написан для функции. А функция не человек. Функция — это строчка. В отчёте. Который никто не читает.

В понедельник всех собрали в актовом зале. На сцене стояло зеркало. Обычное. Только с датчиками. И с лампочкой. Красной. Как глаз. Который не моргает. Потому что у него нет век. Потому что он не человек. Потому что он — норма.

— Коллеги, — сказала директор по этике. Женщина. В сером. С лицом, которое не выражало ничего. Потому что выражать — это отклонение. А отклонение — это не норма. — Мы внедряем «Зеркало этики». Это инструмент для оценки соответствия корпоративным стандартам. Оно показывает, насколько вы соответствуете кодексу. Те, кто не соответствует, отправляются на курсы перевоспитания. Те, кто соответствует, получают... — она замялась. — Они получают право остаться.

— А если я не хочу остаться? — спросил Дмитрий.

Директор по этике посмотрела на него. Долго. Как на ошибку. В отчёте. Которую нужно исправить.

— Вы хотите уйти? — спросила она.

— Нет, — сказал Дмитрий. — Я хочу понять.

— Понимание — это отклонение, — сказала директор. — Норма — это принятие.

Дмитрий встал. Подошёл к зеркалу. Лампочка мигнула. Датчики зажужжали. Зеркало показало Дмитрия. Только не того, который стоял. А того, который думал. Дмитрий в зеркале думал: «Этот кодекс — бред. Эта компания — бред. Эта директор — бред. Я не хочу быть нормой. Я хочу быть человеком. Но человек — это отклонение. А отклонение — это увольнение. А увольнение — это голод. А голод — это смерть. А смерть — это не норма. Норма — это жизнь. Но жизнь по кодексу — это не жизнь. Это существование. Это функция. Это строчка. В отчёте. Который никто не читает».

Дмитрий в зеркале смотрел на Дмитрия настоящего. И Дмитрий настоящий понял: он уже не человек. Он норма. Он кодекс. Он триста страниц. Твёрдый переплёт. Золотое тиснение. И ничего больше.

— Ну что? — спросила директор. — Что вы видите?

Дмитрий молчал. Он не мог сказать. Потому что если бы он сказал, его бы отправили на курсы. А курсы — это не перевоспитание. Это уничтожение. Медленное. Вежливое. По протоколу.

— Норму, — сказал Дмитрий. — Я вижу норму.

Лампочка мигнула. Зелёная. Впервые за всё время. Как бы говоря: «Правда».

Директор улыбнулась. Впервые за всё время. Улыбка была как у робота: ты знаешь, что это улыбка, но не знаешь, что за ней.

— Вы прошли, — сказала она. — Вы — норма.

Дмитрий кивнул. Он не чувствовал радости. Он не чувствовал ничего. Потому что норма не чувствует. Норма соответствует.

К пятнице зеркало прошли все. Двести человек. Двести сотрудников встали перед зеркалом и увидели свою тень. Кто-то увидел человека, который не соответствует. Кто-то увидел человека, который соответствует слишком. Кто-то увидел человека, который не знает, что такое соответствие. И это было самое страшное.

Тех, кто не прошёл, отправили на курсы. В подвал. Где не было окон. Где был только кодекс. И зеркало. Которое смотрело. И показывало. То, что нужно. А не то, что есть.

Тех, кто прошёл, оставили. В офисе. Где были окна. Но никто не смотрел в окна. Потому что в окнах было солнце. А солнце — это отклонение. От нормы. От кодекса. От трёхсот страниц.

Через месяц Дмитрий нашёл в кодексе ошибку.

Страница двести сорок седьмая. Пункт шестнадцать. Подпункт «б». Там было написано: «Сотрудник обязан сообщать о нарушениях». И ниже: «Сотрудник не имеет права сообщать о нарушениях». Два взаимоисключающих пункта. Ошибка. Опечатка. Или — проверка.

Дмитрий смотрел на эти строчки. Долго. Он мог сообщить. Мог — по кодексу. Но если он сообщит — это будет отклонение. Потому что сообщать — это нарушение. А нарушение — это отклонение. А отклонение — это курсы. А курсы — это подвал. А подвал — это смерть.

Он закрыл кодекс. Положил на полку. И ничего не сказал.

Через неделю в подвале появился новый сотрудник. Молодой. Юрист. Он читал кодекс. Триста страниц. Нашёл ошибку. На странице двести сорок седьмой. Сообщил. Его отправили на курсы. Через месяц его не стало. Дмитрий подписал бумагу. Не читая. Потому что норма.

А ошибка осталась. На странице двести сорок седьмой. И ждала. Следующего. Который прочтает. И скажет. Вслух. И тогда — всё. Тогда — конец. Тогда — не норма. Тогда — человек.

Но это — не сейчас. Это — потом. Когда-нибудь. Может быть. Если кто-то осмелится. Если кто-то прочтает. Если кто-то. Кто-то. Кто-то.

Через год Дмитрия повысили. Он стал директором по этике. Женщина в сером ушла. На пенсию. Или на курсы. Никто не знал. Никто не спрашивал. Потому что вопросы — это отклонение.

Дмитрий сидел в кабинете. Смотрел в зеркало. Видел себя. В сером костюме. С лицом, которое не выражало ничего. Потому что выражать — это отклонение.

Он улыбнулся. Робот. Улыбнулся. И зеркало показало улыбку. Зелёная лампочка. Как бы говоря: «Норма».

Дмитрий закрыл глаза. И подумал: «Я хочу уйти». Но не ушёл. Потому что уходить — это отклонение. А отклонение — это курсы. А курсы — это подвал. А подвал — это смерть. А смерть — это не норма.

Норма — это жизнь. По кодексу. Триста страниц. Твёрдый переплёт. Золотое тиснение.

И зеркало. Которое смотрит. И не моргает. Потому что у него нет век. Потому что оно не человек. Потому что оно — норма.

5. Курс на успех

Инфоцыган был убедителен. Так убедителен, что сам верил. Это главное правило инфоцыганства — верить. Если не веришь ты, не поверят другие. А если поверят — заплатят. Если заплатят — ты успешен. Если успешен — можешь продавать успех. Круг замкнулся. Прибыль пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.